

8. Государственная общественно-политическая библиотека. Отдел редкой книги (далее - ГОПБ. ОРК). Коллекция листовок, обращений и прокламаций трудовой (н.-с.) партии.
7. Съезд народных социалистов // Современное слово. – 1918, – №35 – 52.
8. Сыпченко А.В. Народные социалисты во главе „Союза возрождения” // Известия Самарского научного центра Российской Академии наук. Специальный выпуск „Современные проблемы истории и философии”. – Самара, 2002.
9. Сыпченко А.В. Предисловие // Трудовая народно-социалистическая партия. Документы и материалы.- М.: РОССПЭН, 2003.
10. Трудовая народно-социалистическая партия. Документы и материалы/ Сост. А.В. Сыпченко, К.Н. Морозов – М.: РОССПЭН, 2003.
11. Сыпченко А.В. Трудовая народно-социалистическая партия: теория и практика. – Самара, 2004.
12. Сыпченко А.В. Трудовая народно-социалистическая партия: идеология, программа, организация, тактика (1906 г. – середина 1920-х гг.). Дисс. ... докт. ист. наук. – Самара, 2006.

А. Степанова

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО: ИСТОКИ БРИТАНСКОГО „ТРИПАРТИЗМА”

Процесс перехода общества к либерализации всей социально-экономической жизни обусловил и возникновение такого понятия, как социальное государство, объединяющего субъектов социальной ответственности, включенных в систему государственной власти и управления.

В процессе реализации своих социальных функций государство как макросубъект вступает в особый тип отношений с обществом, актуализирующихся в целеполагающем, организационном, функциональном и ресурсообеспечивающем контекстах. Логика дальнейших рассуждений требует терминологического определения второго макросубъекта данного типа отношений. Интересно предложение саратовского социолога, профессора Л.В. Константиновой, которая предлагает использовать термин „социальное общество” для обозначения совокупности социально ориентированных (в плане своей деятельности и направлений функционирования) индивидуальных и коллективных субъектов гражданского общества, осуществляющих себя и свои социальные обязательства без государства [1, 153]. Введение данного понятия, по мнению Л.В. Константиновой, позволяет обозначить социальный потенциал гражданского общества, отделив его от политической и экономической составляющих. Заметим, что в переводе на английский язык данная понятийная конструкция тавтологична („общественное общество”, „social society”), а потому представляется, что при оценке зарубежного опыта целесообразно использовать термин „гражданское общество” („civil society”), акцентируя его социальный аспект и социальные возможности институтов и неинституционализированных форм коллективности.

Думается, что выделив социальную составляющую в рассматриваемых конструкциях, что само по себе предполагает актуализацию социально-

ориентированных целей и единство, с точки зрения направленности задач и потенциалов, пространства, можно говорить об особом, социальном типе субъектных отношений. Систему взаимодействий в данном пространстве на макро-, мезо- и микро- уровнях будем называть социальным партнерством. Объем журнальной статьи не позволяет рассматривать в полной мере все аспекты этого многопланового феномена, а потому ограничимся анализом его частного проявления в сфере социально-трудовых отношений.

Партнерство априорно предполагает равносубъектность и диалог партнеров в целях достижения консенсуса. Представители научного сообщества говорят о разных моделях построения подобного диалога [1], которые, однако, в большей степени являются теоретическими конструктами, но в то же время их денотаты представлены в реальной действительности в виде разнообразных форм, что позволяет отбросить несуществующие характеристики и вычленил системообразующие аналитические параметры. Изучение данных параметров, характерных для различных систем (или в данном случае моделей) социального партнерства, представляет особую актуальность в условиях российской действительности.

В настоящее время Россия находится в ситуации выбора, формирования, апробирования и адаптации моделей социальной политики, эффективно работающих в конкретных условиях. Этот выбор осуществляется сложно и противоречиво, а потому анализ опыта зарубежных стран является несомненным плюсом в деле выработки отечественной модели и механизмов ее экспликации с учетом достижений, ошибок и уроков мировой практики.

Британский образец формирования системы взаимодействия государства и общества в социальном пространстве стоит несколько особняком в типологических рядах конструируемых моделей. Так, дифференцируя системы социального партнерства на континентальную и англо-саксонскую, исследователи отмечают весьма неопределенное место Великобритании в этом типологическом ряду [2, 64]. Структурные изменения в экономике, распространение доктрины свободного рынка и идеологии постиндустриального общества оказали влияние на характер взаимодействия государства и населения во всех европейских странах, которые по-разному адаптировались к новым вызовам времени, но нигде эти изменения не носили столь драматического характера.

В 1950 – 60-е гг. экономического бума тред-юнионы в Великобритании были признаны, наравне с бизнесом, необходимым участником формирования социально-экономической политики государства и сыграли видную конструктивную роль в процессах регулирования общественного развития и контроля со стороны общества за властью. В результате поворота в сознании британского истеблишмента лейбористские и консервативные правительства стали проводить политику кейнсианства и этатизма. Профсоюзы, обретая легитимность, превратились в одну из самых активных общественных организаций, оказывающих на действия правящих партий сильное влияние и выступающих в качестве необходимых партнеров в деле обеспечения социальной стабильности. Отличительной чертой взаимодействия тред-юнионов с властью в Англии, делающей ее непохожей на другие западноевропейские страны было и остается аффилирование большинства тред-юнионов в Лейбористской партии Великобритании (ЛПВ). Сегодня 16

тред-юніонов представлені в Комітеті по зв'язам з соціальними інститутами (Liaison Committee) через своїх генеральних секретарей, кожен з яких являється членом Лейбористської партії [3]. Сама ЛПВ була створена в 1900 г. по рішенням Британського конгресу тред-юніонов, з тих пор профсоюзи мали неформальне право голосу в визначенні політики лейбористів в опозиції і у владі, а керівництво ЛПВ використовувало підтримку тред-юніонов для реалізації тих або інших політичних рішень. Особливо ядро впливу професійних союзів проявляється в період виборчих кампаній. Так, при активній підтримці тред-юніонов в червні 2007 г. прем'єр-міністром Великої Британії знову став представник лейбористської партії Гордон Браун, змінивши на цьому посту свого колегу по партійним вподобанням Тоні Блєра (напомним, що в Великій Британії існує традиція призначення прем'єр-міністром лідера переможчої на виборах партії).

В 1970–80-х гг. відносини між державою і тред-юніонами різко розбалансувалися. Поява і швидкий ріст нових секторів економіки, де профсоюзи мали вузьку базу, і занепад цілих галузей промисловості привели до ослаблення впливу тред-юніонов на владу, особливо професійних союзів тих господарюючих суб'єктів, які створювалися після 1980 г. [4]. Об'єктивними причинами, викликали цю ситуацію, стали світові енергетичні кризи (нафтовий криза 1973 г.) і падіння ефективності економіки сприяли, які не найкращим чином вплинули на недержавні структури більшості європейських країн. Чисельність трудових колективів скоротилася, зросло число зайнятих неповний робочий день, змінився їх гендерний склад [5]. Однак ні в одній з країн континентальної Європи професійні союзи не зустріли такої активної преси з боку влади, як це було в Великій Британії [6]. По даним ОЭСР, зменшення частки членів профсоюзов до загальної чисельності зайнятих на виробництві працівників в Великій Британії становило 16%; по цьому показнику вона опустилася на 15 місце серед країн-членів ОЭСР. Падіння частки працівників, залучених до колективних переговорів, становило 23% (в Великій Британії завжди були сильні юридично не закріплені традиції волонтаризму і проведення колективних переговорів), гірше цей показник був тільки в Новій Зеландії [5]. Логічно передбачити, що суб'єктивним фактором, обумовившим розбалансування відносин між державою і профсоюзами, був приход до влади в 1979 г. до консервативного уряду і поширення „неоконсервативної” ідеології. Консервативні уряди, що перебували у владі в 1979–1997 гг., були зосереджені на гострих проблемах економіки, а не на вимогах робітників. Работодателі, а не тред-юніони, стали розглядатися державою як пріоритетний партнер [7]. Застосування неоконсервативної моделі економічного розвитку означало перехід від політики примусового стимулювання розвитку виробництва, при цьому держава все активніше утверждала себе як верховного арбітра в соціально-трудових відносинах у вигляді прихованого участя в їх регулюванні за допомогою „політики доходів” і „соціального контракту”. С 1979 г. консерватори, а з 1997 г. і лейбористи вдавалися до законодавчих заходів регулювання [8, 87–88]. Результатом легалістської практики стало поступове зникнення

границы между традиционными сферами ответственности государства и профсоюзов – политикой и экономикой.

Отсутствие писаной конституции, когда правительство не связано юридически закрепленными правилами поведения, несет опасность политической ангажированности действий в зависимости от того, кто в данный момент находится у власти. Несовершенство британского трудового законодательства и неэффективность традиций волонтаризма в условиях глобализирующейся постиндустриальной экономики заставили обратиться к несвойственной Англии юридической практике Европейского Союза [7]. Лейбористское правительство Тони Блэра, выдвинув идею „середины” – сочетания принципов социальной справедливости и экономической эффективности, присоединилось к Социальной хартии Евросоюза, в результате чего на Британию стали распространяться директивы ЕС в области социального права и трудовых отношений. В докладе об основных направлениях политики Блэр обозначил переход от „политики доходов” (income poverty) к „политике активов” (holding assets) [9]. „Политика доходов” на уровне британского государства была признана устаревшей, и ставка была сделана на наднациональный уровень – Европейский Союз. Британский конгресс тред-юнионов сдержанно принял концепцию „нового юнионизма”, который означал переход от волонтаризма („voluntary” – „добровольный”) к легализму (legal – „правовой, законодательный”) с опорой на общеевропейское законодательство. Несмотря на сложившийся дуализм в отношениях между государством и профессиональными сообществами в политическом пространстве, проявившийся в стратегической общности интересов и тактическом расхождении их реализации [2], результаты соотвествовали ожиданиям как власти, в лице „новых лейбористов”, так и общества в лице тред-юнионов. В числе последствий присоединения к Социальной хартии Евросоюза – законодательное оформление введения в стране минимальной оплаты труда и обязательной процедуры признания профсоюзов работодателями. Для тред-юнионов это означало получение гарантированного минимума, обеспечиваемого государством, власть же, укрепив фундамент стабильности, способствовала снятию социальной напряженности и снижению антагонистических настроений, расшатывавших его. Увеличилась эффективность производства, конкурентоспособность британской экономики, ее привлекательность для иностранного капитала.

С 1970-х гг. и до середины следующего десятилетия британское государство регулярно сотрясали массовые акции протеста. В стране наблюдался ряд выступлений тред-юнионов против вмешательства государства (например, масштабное столкновение с правительством Эдварда Хита после принятия антипрофсоюзного Акта об отношениях в промышленности), которые порой парализовали жизнь в стране. В последующие годы острота проблемы труд-капитал была в значительной степени снята, хотя и не решена окончательно.

Активное распространение неоллиберальной модели развития (как в экономике, так и в идеологическом пространстве) в Великобритании, не характерное для континентальной Европы, имеет логические основания. Страны еврозоны отставали от США по ряду экономических показателей (создание рабочих мест, повышение производительности труда, привлечение иностранных инвестиций, внедрение достижений науки и техники и т.д.) [7].

Успехи США вызвали соблазн последовать практике заокеанских коллег и отказаться от типичной Европе модели социального рынка (Германия, например, последовательно вводила именно эту модель и более спокойно пережила процесс структурных изменений в экономике). Так оценивает британский опыт внедрения модели „вашингтонского консенсуса” член редколлегии журнала „Современная Европа”, доктор исторических наук А.А. Громыко: „... британцы поспешили или, по крайней мере, зашли слишком далеко в подражании своему заокеанскому соседу. Если апологеты „социального рынка” абсолютизировали ценности социальной справедливости, то апологеты „свободного рынка” – ценности экономической свободы. Истина, как всегда, находилась посередине, следовательно отсутствовала и необходимость, помимо учета достижений конкурирующей модели, бросаться из одной стороны в другую” [2, 72].

Действительно „англосаксонизм” традиционно роднил островное государство с заокеанским соседом. Его проявления находили отражение не только в политическом, но и в идеологическом планах. Британия во многом позиционировала себя не как типичное европейское государство, и не только в силу своего географического положения, а скорее как стратегического партнера объединенной Европы. Так, входя в состав Европейского Союза, Великобритания сохранила за собой денежно-финансовое и политическое подпространство, отказавшись от введения единой европейской валюты и присоединения к Шенгенскому Соглашению. По неконтинентальному, неевропейскому пути развивалась и система социального партнерства в Великобритании в послевоенный период. Для нее было характерно гиперпрофированное применение доктрины свободного рынка, перманентное усиление государственного вмешательства в отсутствие писаной конституции или основного закона, сильное аффилирование представителей профессиональных сообществ в доминирующей партии и их значимое влияние на принятие управленческих решений.

Несмотря на цикличность характера взаимоотношений государства и общества с сфере социально-трудовых отношений (стратегическое взаимодействие или нарушение баланса), готовность к встречному движению сторон, особенно ярко выражающаяся в последние годы, позволяют идти по пути выработки такой модели взаимоотношений, при которой интересы работников и соображения получения прибыли рассматриваются как две стороны одной медали. Государство и профессиональные союзы, адаптируясь к вызовам постиндустриального общества, все больше переходят на принципы прагматизма и тактических союзов. Так, персонал института исследования государственной политики (Institute for Public Policy Research) занимает ключевые посты в британском Казначействе, активно реализуя при этом свою миссию по формированию политики благосостояния и „капитала для всех” (deposits for all) и принимая участие в реализации специальных проектов комитета государственной политики.

Многофакторные изменения в экономике, идеологии и политике британского государства актуализировали новые социальные концепции, такие, как „переходная депривация” (transmitted deprivation), „социальная маргинализация” (social exclusion), повлекшие за собой и новые социальные инициативы. Для понимания сущности изменений в системе социальных отношений необходим ретроспективный взгляд и оценка событий прошлого.

В об'ємі настоящей статті ми обралились к рассмотрению послевоенного периода и до настоящего времени. Изучение более раннего периода также представляет интерес и может стать предметом отдельного исследования.

1. Константинова Л.В. Социальная политика: концепция и реальность. Опыт социологической рефлексии. – Саратов, 2004.
2. Громыко А.А. Труд и власть: Великобритания в сравнительном контексте // Современная Европа. Институт Европы РАН. 2002. – №4, http://www.unionstogether.org.uk/Trade_Unions.html
3. Discussion Paper 455. The Leverhulme Trust. Union Decline in Britain, by Stephen Machin, April 2000.
4. OECD Employment Outlook, July 1997.
5. Подробнее о рабочем движении в странах континентальной Европы см.: The Challenges to Trade Unions in Europe. Ed. by Peter Leisink, Jim Van Leemput and Jacques Vilroxx. Edward Elgar, Cheltenham, Britain, 1996.
6. Маргарет Тэтчер. Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира / Пер. с англ. – 2-е изд. – М.: Альпина бизнес Букс, 2007.
7. Подробнее см.: Trade Unions in the European Union. A Handbook. Ed. by Wolfgang Lecher. Lawrence and Wishart, London, 1994.
8. Случаи, когда главы правительств обращались к масштабным и прогрессивным мерам по совершенствованию системы фондовых активов, достаточно редки. Великобритания является страной, проводящей самую масштабную и последовательную политику создания системы фондовых активов и капиталов (по сравнению, как с другими европейскими странами, так и с США). Blair Tony Savings and Assets for all, speech. London: Downing Street, April, 26 // Institute for Public Policy Research. The Centre for Asset-Based Welfare, April, 26, London: Institute for Public Policy Research. Announces Asset-Based Policy and IPPR Announces New Center on Asset-Based Welfare, May 2001.

Т. Тканко

ВІЙСЬКОВО-ПРОМИСЛОВІ КОМІТЕТИ НАДДНІПРЯНСЬКОЇ УКРАЇНИ НА ПОЧАТКУ РОСІЙСЬКОЇ РЕВОЛЮЦІЇ 1917 Р.

В історії військово-промислових комітетів (далі – ВПК) – громадських організацій, що виникли в роки Першої світової війни для допомоги фронту, – традиційно виокремлюється кілька етапів. Якщо аналізу перших із них (до 1917 р.) присвячено порівняно значну кількість наукової літератури, то останні (1917–1918 рр.) й досі залишаються поза увагою дослідників. У роботах М. Юрія [1], С. Сергєєвої [2], Я. Кулянди [3] містяться лише окремі сюжети з обраної теми.

Мета цієї статті полягає в тому, щоб розглянути діяльність ВПК на початку Російської революції 1917 р., тобто до більшовицького перевороту у жовтні.

Об'єкт дослідження – Лютнева революція в Росії 1917 р., предмет – суспільно-політичний рух у визначений період.

Відповідно до концепції С. Кульчицького [4, 6-8], революційний процес